

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2026

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 12 (158). Часть II Том 16 - Актуальные вопросы исторической науки и образования. 2025

Интеграция принудительных мигрантов в территориальную региональную общность Молотовской области в 1940-х — 1950-х гг. (на материалах интервью и воспоминаний)

Корниенко Сергей Иванович

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Кимерлинг Анна Семеновна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Глушков Александр Владимирович

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Исследование посвящено механизмам интеграции принудительных мигрантов в территориальную региональную общность Молотовской области в 1940-х — 1950-х гг. Принудительное переселение составляло значимую часть миграционных процессов тех лет. В целом, речь идет о депортациях, трудовой мобилизации и репатриации. Наиболее действенные стратегии адаптации связаны с культурным капиталом личности, то есть с использованием на новом месте жительства имеющегося образования или особых ранее приобретенных профессиональных или коммуникативных навыков. Умение найти и воспользоваться знакомством, занять должность с доступом к продуктам питания давало значительные возможности. Социальный механизм адаптации через брак позволял объединить усилия двух семей и завести хозяйство. Воздействие советской идеологии через мобилизационные политические кампании и праздники объединяло и уравнивало, становясь еще одним адаптационным механизмом. Социальные, культурные,

идеологические и экономические факторы совместно влияли на интеграцию принудительных мигрантов в местное сообщество.

Ключевые слова: принудительная миграция, Молотовская область, адаптационные механизмы, культурный капитал, человеческий капитал, послевоенные годы, интервью

Дата публикации: 31.12.2025

Источник финансирования:

Статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ по программе «Зеркальные лаборатории» (проект «Миграции как фактор социальной трансформации регионов СССР в период послевоенного восстановления: анализ средствами digital humanities»).

Ссылка для цитирования:

Корниенко С. И., Кимерлинг А. С., Глушков А. В. Интеграция принудительных мигрантов в территориальную региональную общность Молотовской области в 1940-х — 1950-х гг. (на материалах интервью и воспоминаний) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 12 (158). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840037573-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840037573-9

¹ В 1940-х — 1950-х гг. в СССР имели место очень существенные перемещения населения — добровольные, вынужденные и принудительные. В значительной мере они были связаны с Великой Отечественной Войной и ее последствиями. Мы будем анализировать проблему адаптации в региональную общность Молотовской области именно принудительных мигрантов. А. Маршалл и П. Полян определяют принудительные миграции как «...перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения»¹. Принудительное переселение составляло очень значимую часть миграционных процессов, представленных прежде всего депортациями, трудовыми мобилизациями и репатриациями. А. Суслов насчитал в конце 1940-х — начале 1950-х гг. на Урале около 20 различных категорий спецпереселенцев, весьма внушительных по количеству. Он отмечает, что «в июле 1950 г. на учете областного отдела спецпоселений стояло 90 860 человек... На 1 января 1953 г. в Пермской области числился 87 171 спецпоселенец, 42 ссыльнопоселенца, 6 ссыльных и 287 выселенцев»². К примеру, одних только немцев в трудармии Молотовской области было 40 тыс.³ И это при том, что среди принудительных мигрантов была особенно высокая смертность. Так, из 28 тыс. мобилизованных немцев Соликамска от недоедания, холода, тяжелой работы умерли около 7 тыс.⁴

² В довоенные годы, в 1939 г., в городе Молотове насчитывалось 306 тыс. жителей⁵. Согласно переписи населения 1959 г. в городе Молотов проживало уже 629 тыс. человек (население области составляло 2 992 876 чел.). Следует отметить, что перепись 1959 г. происходила уже после реэвакуации и возвращения спецпоселенцев и трудмобилизованных по домам. Данные свидетельствуют о том,

что многие остались и не вернулись на места прежней жизни. В Молотовской области прирост населения за счет миграций был значительно выше чем по всей стране. За 1939—1959 гг. население СССР увеличилось на 9,5%, а Молотовская область увеличилась на 37,5 %⁶. Цифры свидетельствуют, что часть мигрантов сумела полностью адаптироваться на новом месте. При этом важно выяснить, какие социальные, культурные и экономические механизмы обеспечили этот процесс.

³ Для данного исследования выбран уникальный и своеобразный источник — интервью. Уникальный, поскольку интервью как источники личного происхождения позволяют увидеть повседневные практики адаптации к новому месту жительства, исследовать особенности взаимоотношений с местным населением, выявить эмоции, которые связаны с переселением, нюансы, которые не могли быть зафиксированы ни одним формальным документом. Своеобразие использованных интервью как источника связано, прежде всего, с тем, что они были записаны через 40—60 лет после событий, а память обладает способностью изменяться под воздействием времени и культуры. Поэтому лишь верификация разных интервью позволяет говорить о достоверности полученных фактов. А для верификации большое значение имеет повторяемость в интервью аналогичных сюжетов.

⁴ В ходе исследования было проанализировано две коллекции интервью. Одна хранится в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ) и вошла во 2 том сборника документов «Немцы в Прикамье»⁷. Часть интервью, опубликованные там, были записаны архивистами со слов участников событий в начале 2000-х гг., другая часть — много лет лежала в архивах общественных организаций российских немцев «Возрождение» в городах Пермь, Соликамск, Краснокамск, Лысьва, в архиве администрации г. Гремячинск⁸. В сборнике имеются воспоминания 37 депортированных немцев, есть фотографии из их семейных альбомов. Интервью короткие, в среднем 2—3 страницы, но есть собственноручные записки длиной более 10 страниц. Однако, короткие интервью, зачастую, дают более качественную информацию (верифицируются повторяемостью у других респондентов), поскольку они подверглись меньшей редакции и самоцензуре.

⁵ Вторая коллекция интервью была записана волонтерами Пермского «Мемориала» в 1990-х — 2010-х гг. Интервью собирали не профессиональные историки, но тексты совершенно не правленные, аутентичные, представляют собой биографическое интервью, где интервьюер дает возможность свободно рассказывать и лишь направляет вопросами. Расшифровки интервью, аудиозаписи, автобиографии, фото хранятся в архиве story.pmem.ru. Были выявлены 6 интервью людей, по разным причинам оказавшихся после 1945 г. в Молотовской области, но всегда эти причины были связаны с государственным принуждением.

⁶ В данной работе подробно не рассматриваются трудности быта принудительных мигрантов, о них писали в разрезе разных регионов В. Бердинских, Е. Зберовская, В. Шашков. О Молотовской области писал А. Сулов. Люди, переселенные в результате депортации, трудовой мобилизации или репатриации в 1940-х — 1950-х гг., на новых местах должны были выстроить

свою новую повседневную жизнь. Взаимодействие с местными жителями территорий, куда их привезли, касалось, во-первых, питания и места жительства, во-вторых — соседских связей и взаимопомощи в быту, а в-третьих, их сближали труд и идеология, проявлявшаяся через совместные праздники, а точнее, совместные празднования государственных праздников.

⁷ Проанализируем факторы, объединяющие мигрантов с местными жителями. К предприятиям в послевоенные годы были прикреплены абсолютно все рабочие, а репатриированные, трудармейцы и депортированные не были исключением. И в этом проявлялось нечто сближающее. На всех действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому под угрозой тюремного заключения нельзя было покинуть рабочее место по своему желанию. Это называлось «трудовым дезертирством», при этом трудовая мобилизация продолжалась и в послевоенные годы, а вернуться в родные места нельзя было вплоть до выхода Указа Президиума Верховного Совета «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, и за прогул без уважительной причины» от 25 апреля 1956 г., согласно которому стало возможным уйти с работы по собственному желанию с предупреждением об этом руководства за две недели.

⁸ Не сразу по приезду на место работы принудительные мигранты всех категорий сталкивались с местным населением. После того как они оказывались в Прикамье их определяли на тяжелые работы и селили в бараках, зачастую они сами эти бараки и строили⁹. Начинались трудные трудовые будни, часто ведущие к смерти от болезней и недоедания.

⁹ Среди факторов адаптации мигрантов на новом месте жительства А. Б. Суслов считает наиболее значимым экономический, в частности наличие собственных домов и хозяйства. Он отмечает, что наличие в начале 1950-х гг., например, у 11 % немцев своих домов, у 55% — огородов и у 34% мелкого рогатого скота делает их более адаптированными к новому месту жительства и менее склонными его покинуть¹⁰. Интервью подтверждают этот вывод. Ближе к середине 1950-х гг. бараки начали расселять, людям могли дать в поселке небольшую квартиру, но не отдельную, а, например, на всю семью: «Потом нам стали квартиры тут давать, с братом опять дали, тоже вместе. У нас трое вместе были, [и у брата] тоже трое детей»¹¹. Некоторым удавалось даже построить свой дом, обрабатывать огород. К этому моменту жизнь казалась налаженной и по-советски стабильной. Наличие дома и хозяйства надежно прикрепляло к месту. В то же время интервью свидетельствуют, что экономический фактор, скорее всего, не был бы столь действенным без социального и культурного компонента. Например, Эрна Бенц рассказывала, что в 1947 г. вышла замуж и жизнь начала налаживаться, они с мужем в начале 1950-х выстроили новый дом и когда они почти приняли решение уехать, то именно дом удержал их (хоть и лишь на время): «Приехали домой, зашли в коридор. Я посмотрела, так мне жалко стало, и мы смелости не набрались сказать, что собираемся переезжать»¹².

10 Семья была очень значимым фактором адаптации. В одиночку продержаться и выжить было труднее, а особенно трудно было женщинам и детям. Замужество или женитьба давали больше возможностей для получения продуктов питания и обеспечения старшего поколения семей жены и мужа. Причем это касалось обоих полов — вдвоем выжить было легче. После Указа от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» часть принудительных мигрантов, уехали из Молотовской области, но далеко не все.

11 Решение об отъезде зависело от того, был ли супруг из той же категории принудительных мигрантов или из местных жителей. Если супруг был не из местных — это увеличивало вероятность изменения места жительства даже при наличии собственного дома и хозяйства в Молотовской области. Очень многие принудительные мигранты вспоминают именно брак как поворотный момент, обеспечивший вливание в местное сообщество, как переход к «нормальной» жизни, когда появлялась мысль, что «обустроились..., а ехать было некуда... в другом месте — все чужое»¹³, а, следовательно, место спецпоселения стало «своим». К примеру, высланная в конце 1940-х гг. из Украины Устинья Байбакова вспоминала ситуацию с замужеством и свои мотивы остаться после прекращения контроля за спецпоселенцами: «А потом ... вышла замуж. И осталась здесь. У меня и ребята, дети тут пошли... он был здешним, коренным»¹⁴. Так что брак с местным жителем особенно существенно способствовал интеграции в региональную общность.

12 Важным фактором адаптации были добрососедские отношения. Для некоторых категорий принудительных мигрантов они затруднялись мифологизацией национальной принадлежности. Почти во всех интервью с депортированными немцами встречается воспоминание о негативном отношении по национальному принципу. К примеру, Иван Клоц вспоминал: «Идешь, бывало, по улице, и если кто навстречу идет, то обходит нас стороной. Местные жители нас боялись, считали, что мы плохой народ»¹⁵. Мария Бах отмечала: «Местные жители встретили нас плохо. Мы для них фашистами были в то время. Только в последние годы перестали обзывать»¹⁶. Это серьезно мешало адаптации и заставляло общаться только со «своими». Антонина Сайбель описывала последствия такого предвзятого отношения к немцам: «Бывало, идешь в город, на рынок, что-то купить (когда деньги стали выдавать), идем семь толи восемь километров, захочется пить — никто не давал воды»¹⁷. Приспосабливаясь к всеобщему неприятию, они учились обходиться своими силами, общаться только с другими спецпоселенцами, и замуж, в большинстве случаев, тоже выходили за «своих». Но так было не повсеместно. Зачастую сближали похожие трудности с питанием, чувство сострадания, идеологические представления.

13 Адаптироваться приходилось как к условиям тяжелой повседневности барачной жизни стройки или лесоповала, так и к взаимодействию с окружающими людьми, в первую очередь, с работавшими рядом товарищами и руководителями, а также с соседями, жившими в данной местности. Следует отметить и такую особенность соседских отношений. Местное население в поселках, где жили работавшие на лесоповале трудармейцы зачастую полностью состояло из ранее высланных раскулаченных. Возможно, именно близость жизненных траекторий

создавала условия для хороших соседских взаимоотношений. И некоторые респонденты отмечают, что с местным населением удавалось устраивать натуральный обмен на продукты питания, например, на картошку¹⁸. Аналогичную ситуацию взаимопомощи в быту у принудительных мигрантов и местных жителей отмечает, исследуя Сибирь, Е. Л. Зберовская: «северяне научили переселенцев употреблять строганину, поскольку в условиях Крайнего Севера наличие в рационе питания белковой пищи увеличивало шансы для выживания. Были случаи, когда местные жители забирали к себе осиротевших детей спецпоселенцев, делились с голодающими семьями дефицитными хлебом и молоком»¹⁹.

¹⁴ Успешная адаптация мигрантов в местную среду зачастую завесила от интеллектуального и культурного капитала, с которым мигрант принудительно оказался в Прикамье. Важную роль играла коммуникабельность, умение налаживать социальные взаимоотношения, образование и накопленный ранее опыт работы. Спецпоселенец В. Суворов имел высшее образование (в то время это было редкостью), в войну был разведчиком и переводчиком, был мобилизован на строительство Камской ГЭС, работал на инженерных должностях и находился в более удобных условиях жизни и работы²⁰. В одном из интервью есть рассказ о том, как педагогическое образование позволило получить жилье и огород: «В 1945 г. тетя моя, она по профессии учительница была, молодая еще с 1918 г. Она пошла в школу, спрашивать работу какую-нибудь. Ее вначале взяли секретаршей. А потом учительницей... тете дали комнату и кухню... нас жило там 8 человек»²¹. А Филипп Тольцинер (получил архитектурное образование в Германии) сконструировал в лагере для местного зубного врача кресло из подручных материалов. Она доложила об этом начальству и Тольцинера перевели в Лагерное управление инженером по строительству. После освобождения в 1948—1950-х гг. он работал начальником проектной мастерской главного архитектора Соликамска, занимался планировкой и застройкой Боровска²². Человеческий капитал таких серьезных специалистов как Ф. Тольцинер не просто позволил интегрироваться ему самому в местное номенклатурное сообщество, он также оказал очень серьезное влияние на облик отдельных территорий Пермского края и вдохновил молодых коллег. Можно привести много примеров, когда именно принудительные мигранты формировали интеллектуальное сообщество г. Перми, работали учителями, были наставниками в профессии и влияли на выбор и развитие своих учеников.

¹⁵ Еще одним культурным фактором адаптации и получения нового социального статуса было приобретение образования по строительной или инженерной специальности. Образование было наиболее значимым способом улучшения условий жизни для вынужденных мигрантов. Оно позволяло серьезно изменить условия труда, увеличить размеры заработка и обеспечения продуктами питания, изменить повседневный быт не только свой, но и семейный. Речь идет, в первую очередь, о среднем специальном образовании в ФЗО. Умение управлять трактором очень ценилось и обучение вождению делало человека фактически незаменимым, особенно если он еще и не употреблял алкоголь.

¹⁶ Высшее образование в связи с запретом отлучаться с места работы было совершенно невозможно получить, ведь надо было сдавать в институте

вступительные экзамены, а потом даже в случае поступления на заочное отделение — ездить в город на сессии. Однако и тут были исключения. Депортированный немец Эдвин Гриб вспоминает как ему удалось в 1950 г. получить высшее образование инженера-строителя. Он тогда находился на спецпоселении и работал на стройке. Его план поступления в вуз включал несколько ходов. Медалистов принимали в вуз без экзаменов, для этого он поступил в вечернюю школу, и окончил ее с медалью. Был зачислен в вуз, проучился заочно полгода, но потом начал получать разрешение на выезд на сессию. Был большой скандал: «Как ты посмел! — и так далее» Никто ведь не знал о моем поступлении. В конце концов, мне разрешили выехать, но наложили резолюцию: «С сопровождающим...» И вот я в 1952—53-е гг. ездил на экзамены под конвоем»²³. Еще во время учебы он изменил статус — с работы строителем перешел на должность техника по безопасности.

¹⁷ Удачное знакомство зачастую могло предоставить более качественные условия жизни. Коммуникативные навыки и удачное знакомство А. Генрихс (1925 г. р., трудмобилизованный в 1941 г. в город Соликамск Молотовской области) возил на лошади начальника лагеря. Именно по его рекомендации в 1946 г. был назначен заведующим хлебным магазином при производственной столовой²⁴. Такая должность позволяла обеспечить свое продовольственное питание, а также и дальше налаживать социальные связи, влияя на распределение питания в голодные годы.

¹⁸ Фраза в воспоминаниях Вильгельма Мицеля «Мы стойко переносили эти лишения, и продолжали честно и добросовестно трудиться»²⁵ о жизни в трудармии и на спецпоселении не простой пафос. Она характеризует еще один фактор адаптации. Честный труд в этом случае был, с одной стороны, способом выжить, получать дополнительное продуктивное и денежное вознаграждение, с другой стороны, идентифицировать себя как хорошего советского человека, гражданина, продолжать быть частью советской системы. В несвободной жизни принудительного мигранта сохранялись советские идеологические институты. Они давали возможность политико-правовой адаптации — респонденты вспоминают о работе комсомольской и партийной организации, в которую входили трудармейцы. Принимать депортированных в партию было нельзя, но те, кто был принят до войны, продолжали числиться коммунистами и комсомольцами, участвовали в партийной деятельности.

¹⁹ Советские праздники объединяли всех жителей и работников на одной территории. О включенности в эти практики принудительных мигрантов свидетельствуют фотографии тех лет. В архиве общественной организации «Возрождение» города Соликамска есть фото колонны трудармейцев на 1-майской демонстрации в поселке Боровск в 1949 г. Они идут с флагами, плакатами и портретами Сталина. Люди в первых рядах заметили фотографа, лица у них напряженные и серьезные. В кадре мы видим очень много людей, скорее всего участие было не совсем добровольным, но некоторые люди на фото хорошо одеты и явно относятся к идеологическому ядру организации. В отдаленных рядах не знают о присутствии фотографа, но плакаты держат высоко, среди демонстрантов видны дети. Колонна идет кучно по центру дороги, демонстрируя единство и сплочение. И хотя это лишь ритуальное действие, оно демонстрирует равенство

всех его участников, обеспечивая интеграцию принудительных мигрантов, с которыми еще недавно местные жители не хотели идти по одной стороне улицы и называли «черт с рогами», в региональное сообщество.

²⁰ В целом, среди адаптационных механизмов наиболее эффективна стратегия использования имеющегося образования или особых ранее приобретенных профессиональных или коммуникативных навыков. Целые семьи могли получить жилье не в бараке, приобретя за счет предыдущего опыта и образования профессиональный статус, например, учителя, инженера или квалифицированного специалиста. Аналогичный эффект можно было достигнуть, получив образование уже в процессе принудительной миграции (научится управлять трактором или получить высшее образование), причем начать можно было с обычно вечерней школы. Образование как лифт мобильности часто срабатывал, позволяя улучшить условия труда и жизни. Коммуникативные навыки позволяли найти «правильное» знакомство, занять должность с доступом к продуктам питания и полностью адаптироваться в советской среде неформальных практик снабжения.

²¹ Менее эффективным, но вполне действенным способом адаптации был брак, который позволял объединить усилия двух семей, построить дом и завести хозяйство. Но тут особенно значимым было объединение в браке принудительного мигранта и коренного жителя, а это случалось не всегда. В любом случае в семье появлялись дети и закрепление в социальной среде, интеграция в нее, проходила достаточно качественно. По крайней мере, именно такие мигранты в большей степени были не склонны покидать регион.

²² Дополнительно скрепляющим региональную общность элементом была коммунистическая идеология. Идеологическое воздействие советской системы не прекращалось в отношении принудительных мигрантов. И особую роль играли праздники и мобилизационные политические кампании. Речь идет о выборах, которые в послевоенные годы проходили ежегодно и о государственных праздниках. Идеология не различала спецпоселенцев и местных жителей, в то же время, репрессивное прошлое имело практически у всех, причем часть были сами репрессированы, а другая часть занималась их охраной. Таким образом, социальные, культурные, идеологические и экономические факторы совместно влияли на интеграцию принудительных мигрантов в местное сообщество.

Примечания:

1. Маршалл, А. Полян, П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: «ОГИ», «Мемориал», 2001. С. 11.

2. Сулов А. Б. Быт спецпоселенцев в Молотовской области (1945—1953) // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2001. № 1-2. С. 75—86.

3. Немцы в Прикамье. XX в. Сборник документов и материалов в 2-х томах / Т. 1. Архивные документы. Кн. 1. Пермь: «Пушка», 2005. С. 10

4. Там же. С. 7.

5. Перепись населения 1939 г.[Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 18.09.2025).

6. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Демоскоп. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 20.10.2025).

7. Немцы в Прикамье. XX в.: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. 2. Пермь: «Пушка», 2005.
  8. Там же. С. 5.
  9. Интервью с Шаадом Александром Филипповичем. Интервью взято 23 июля 2004 г. в поселке Вая Красновишерского района Пермской области // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 98. Д. 1.
  10. Суслов А. Б. Быт спецпоселенцев в Молотовской области (1945—1953) // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2001. № 1-2. С. 86.
  11. Интервью с Шаадом Александром Филипповичем. Интервью взято 23 июля 2004 г. в поселке Вая Красновишерского района Пермской области // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 98. Д. 1.
  12. Интервью с Бенц Эрной Оттовной. Дата рождения 05.10.1930 г. Место рождения — Одесса. // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 331. Д. 1.
  13. Немцы в Прикамье. XX в.: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. 2. Пермь: «Пушка», 2005. С. 35.
  14. Интервью с Байбаковой Устиньей Ивановной // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 152. Д. 1.
  15. Немцы в Прикамье. XX в.: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. 2. Пермь: «Пушка», 2005. С. 35.
  16. Там же. С. 36.
  17. Там же. С. 34.
  18. Интервью с Шаадом Александром Филипповичем. Интервью взято 23 июля 2004 г. в поселке Вая Красновишерского района Пермской области // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 98. Д. 1.
  19. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940—1950-е гг.). Красноярск, 2010. С. 156.
  20. Интервью с Суворовым Виктором Александровичем // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. взято 15 августа 2015 г. Ф. 5. Оп. 351. Д. 1.
  21. Интервью с Бондарь Аннетой Генриховной // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Записано 2 июня 2015. Ф. 5. Оп. 507. Д. 1.
  22. Немцы в Прикамье. XX в.: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. 2. Пермь: «Пушка», 2005. Т. 2. С. 43—44.
  23. Там же. С. 29.
  24. Там же. Т. 2. С. 59.
  25. Там же. С. 60.
-

Библиография:

1. Бердинских В. А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛО, 2005. С. 768.
2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Демоскоп. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=54 (дата обращения: 20.10.2025).
3. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940—1950-е гг.). Красноярск, 2010. С. 180.
4. Интервью с Байбаковой Устиньей Ивановной // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 152. Д. 1.
5. Интервью с Бенц Эрной Оттовной. Дата рождения 05.10.1930 г. Место рождения — Одесса // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5.

Оп. 331. Д. 1.

6. Интервью с Бондарь Аннетой Генриховной // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Записано 2 июня 2015. Ф. 5. Оп. 507. Д. 1.

7. Интервью с Роговой Екатериной Васильевной // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Запись сделана в 1998. Ф. 5. Оп. 450. Д. 1.

8. Интервью с Суворовым Виктором Александровичем // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Взято 15 августа 2015 г. Ф. 5. Оп. 351. Д. 1.

9. Интервью с Шаадом Александром Филипповичем. Интервью взято 23 июля 2004 г. в поселке Вая Красновишерского района Пермской области // База данных «Устная история». Общество «Мемориал». Пермь. Ф. 5. Оп. 98. Д. 1.

10. Маршалл А., Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: «ОГИ», «Мемориал», 2001. С. 11.

11. Личман Б. В. Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992. С. 217.

12. Перепись населения 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (дата обращения: 18.09.2025).

13. Полян П. М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР). О. Г. И. «Мемориал». М., 2001. С. 327.

14. Суслов А. Б. Быт спецпоселенцев в Молотовской области (1945—1953) // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2001. № 1-2. С. 75—86.

15. Немцы в Прикамье. XX в.: Сборник документов и материалов в 2-х томах / Т. 1. Архивные документы. Кн. 1. Пермь: «Пушка», 2005.

16. Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930—1954). М., 1995.

Integration of Forced Migrants into the Territorial Regional Community of the Molotov Region in 1940s — 1950s (on Interviews and Memoirs)

Sergey Kornienko

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

Anna Kimerling

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

Alexandr Glushkov

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The paper is focused on the mechanisms of integration of forced migrants into the territorial community of the Molotov region in the 1940s — 1950s. forced resettlement was a very significant part of the migration processes in post-war USSR. the article deals with such types of forced migration as deportation, labor mobilization and repatriation. The most significant adaptation strategies are associated with the cultural capital of the individual, which include the use of existing education or special previously acquired professional or communication skills in a new place of residence. For example, the ability to find and use an acquaintance, to take a position with access to food provided significant opportunities. The social mechanism of adaptation through marriage made it possible to unite the efforts of two families and start a household. The impact of the Soviet ideology through mobilization political campaigns and holidays united and equalized, becoming another adaptation mechanism. Social, cultural, ideological and economic factors jointly influenced the integration of migrants into the local community.

Keywords: forced migration, Molotov region, adaptation mechanisms, human capital, post-war years, interview

Publication date: 31.12.2025

Citation link:

Kornienko S., Kimerling A., Glushkov A. Integration of Forced Migrants into the Territorial Regional Community of the Molotov Region in 1940s — 1950s (on Interviews and Memoirs) // ISTORIYA. 2025. Vol. 16. Issue 12 (158). Part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840037573-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840037573-9

